

В Юнчжоу недавно произошло событие, вызвавшее жаркие споры: главой одной купеческой династии внезапно стал молодой гэр, который вошел в семью меньше двух лет назад.

Говорили, что род был скуден на потомство: в прямой ветви остался лишь один наследник. Старый глава был уже не в силах тянуть дела, а молодой наследник оказался человеком посредственным и безынициативным. Чтобы спасти огромное состояние от разорения, прежний глава за крупный выкуп заключил брачный контракт с умным и хватким гэром, сделав его фуланом своего сына.

Этот гэр оказался из тех, кто «в доспехах не уступит мужу». В первый же год он родил крепкого сына, а спустя год получил в свои руки полное управление семейным бизнесом. В сущности, это было личное дело семьи, но новый управляющий оказался слишком талантлив: всего за несколько месяцев после вступления в должность он удвоил прибыль лавок.

Рынок не резиновый: если один забирает больше, другим достается меньше. И вот конкуренты развернули настоящую информационную атаку, заявляя, что гэру подобает сидеть дома, воспитывать детей и ухаживать за мужем, а не выставять себя напоказ, борясь за выгоду с мужчинами.

Хотя в эту эпоху ограничения для гэров были не такими жесткими, как в те феодальные времена, о которых знал Е Цзюньшу (по крайней мере, гэры из знатных семей могли выходить на улицу в сопровождении родных или слуг, а для бедняков это и вовсе было обычным делом), здесь речь зашла о деньгах, и этот факт использовали как предлог. В последнее время шум стоял невообразимый, и в их академии тоже всю обсуждали этот случай.

Собственно, темой сегодняшних дебатов и стало: «Мужчина ведает внешними делами, гэр — внутренними. Следует ли неукоснительно соблюдать эту этику?»

Ученики из других классов стояли на том, что гэр должен строго следовать правилам «трех покорностей и четырех добродетелей», ибо только это является эталоном воспитания приличного гэра. Класс «Цзя», разумеется, отстаивал противоположную позицию.

Е Цзюньшу наблюдал со стороны, через их аргументы лучше узнавая характеры своих сокурсников. Он и не думал, что, мирно «подпирая стенку», вдруг окажется в центре внимания. Про себя он даже успел посетовать: неужели им так не нравится, что он слишком расслаблен?

Е Цзюньшу выпрямил спину и серьезно произнес:

— Я согласен с точкой зрения брата Вэня. Хотя общепринятые каноны и правила приличия не поощряют публичную деятельность гэров, мы должны анализировать каждый конкретный случай, а не слепо отвергать чужие поступки. Разве вы не помните, как многие знаменитые ученые в истории восхваляли гэров, которые не уступали мужам? Я считаю, что если гэр обладает талантом и ведет себя так, что это помогает его семье, государству и приносит мир в Поднебесную, то это заслуживает признания.

— Верно! Третий сын великого маршала Ли точно так же находится на передовой, ведет воинов на защиту рубежей и одержал немало побед! У тигра не рождается псов: пусть третий сын Ли — гэр, но наш народ почитает его. Даже нынешний император оказывает ему поддержку и лично пожаловал чин Правого генерала! — внезапно выдал новость один из учеников, чей родственник служил в правительстве.

Сердце Е Цзюньшу екнуло и на мгновение пропустило удар. Он поспешил переспросить:

— Это правда?

— Конечно! Императорский указ вышел всего несколько дней назад. Кто посмеет шутить такими вещами? — Ученик так и сиял, гордясь тем, что первым узнал эксклюзивную информацию.

Чтобы доказать свою осведомленность, он рассказал еще немало новостей с границ.

В голове у Е Цзюньшу всё перемешалось. У него пропало всякое желание говорить, и он сидел, опустив голову, погруженный в свои мысли. К счастью, внимание остальных уже переключилось.

— В теории это так, но как можно сравнивать купеческую семью с историческими личностями или третьим сыном Ли? Вести дела наравне с мужчинами — это всё же противно добродетели и облику! — яростно возражал один из студентов, брызгая слюной.

Юй Маолинь вскинул бровь:

— Все мы ведем дела. Уж не потому ли вы так возмущены, что целая толпа мужиков не смогла тягаться с одним гэром и вам стало стыдно? Я припоминаю, что семья вашего дяди — одна из тех лавок? Не в силах победить в честной конкуренции, решили использовать общественное мнение, чтобы принудить другого к уступкам?

Ученик покраснел от ярости до корней волос. А Юй Маолинь продолжал наносить удары:

— Настоящий мужчина должен быть широк душой. Не будьте как мелкотравчатый гэр с его узким кругозором и злопамятностью. Ох, простите... некоторые мужчины даже до уровня гэров не дотягивают, им с ними не сравниться.

Е Цзюньшу слушал это с огромным удовольствием. Видимо, он не зря стал лучшим другом Юй Маолиня. Противник же был готов упасть в обморок от злости.

Вэнь Бихуа поспешил сгладить углы:

— Друзья, каждый высказал свое мнение, давайте сохранять гармонию. Мы ведь просто дискутируем. — Затем он добавил: — Уже полдень, обед готов. Давайте сначала поедим, а после продолжим.

Кровной вражды между ними не было, так что по призыву Вэнь Бихуа напряженная атмосфера, пахнувшая порохом, мгновенно разрядилась. Все дружно последовали за хозяином.

Утренняя дискуссия на этом завершилась. Формально победитель не был объявлен, но сторона Е Цзюньшу явно вела в счете. Днем же предстояло любование цветами и сочинение стихов.

Поначалу Е Цзюньшу думал, что стихи придется сочинять экспромтом на месте, и даже немного мучился совестью, заготовив строки заранее — мол, это почти как мошенничество. Однако после того, как он по секрету пошептался с Вэнь Бихуа, выяснилось, что он такой далеко не один. Пожалуй, единственный, кто мог рифмовать на ходу — это «монстр» Юй Маолинь. Остальные были как Е Цзюньшу: подготовились дома... В этом и заключался истинный смысл подобных гуляний, и все об этом прекрасно знали.

На дневном поэтическом состязании, что неудивительно, первое место снова взял Юй Маолинь. Е Цзюньшу выступил достойно: не пытался казаться посредственностью, но и не лез

на рожон. Он искренне восхищался Юй Маолинем, который готов был дерзить всему миру.

После завершения гулянья Е Цзюньшу и Юй Маолинь вместе отправились домой. Юй иногда оставался на одну ночь в городе и возвращался в академию только на следующее утро вместе с Цзычжоу.

— Ты всё-таки поскромничал, — сказал Юй Маолинь, когда они остались вдвоем. Хотя он и понимал тактику Е Цзюньшу, он её не одобрял.

Е Цзюньшу лишь улыбнулся и промолчал. У него не было никакой опоры, поэтому он, естественно, осторожничал: стоит начать слишком сильно выделяться, как тут же навлечешь на себя зависть и ненависть. В мире живут миллионы, и кто даст гарантию, что у каждого на уме только добрые помыслы? Как ни берегись, всегда можно что-то упустить, поэтому Е Цзюньшу предпочитал быть излишне осмотрительным, лишь бы не оступиться на этом пути.

Шансов у него было немного, каждый шаг приходилось выверять с предельной точностью — упади он однажды, и новой возможности пробиться наверх может уже не представиться.

Однако в мыслях Е Цзюньшу вертелось другое, и он не удержался от вопроса:

— Маолинь, а третий сын Ли... он действительно на передовой?

Юй Маолинь кивнул:

— Хотя новости с границы считаются тайной и мало что просачивается наружу, известно, что когда великий генерал попал в засаду, именно третий сын лично повел войска на выручку и спас его. С тех пор он постоянно участвует в кровопролитных сражениях на самом фронте.

Что касается подробностей, то они были туманны. Он и сам знал лишь то, что доходило в виде слухов. Дела на границе имели государственную важность, и истинное положение дел было известно только армии и двору. Лишь когда приходило время распределять награды и взыскания, просачивались крупинки информации о ходе войны. В душе Юй Маолинь искренне восхищался этим человеком: третий сын был достоин своих предков, верно служивших дому Ли.

Е Цзюньшу почувствовал укол тревоги. Он окончательно убедился, что этот третий сын и есть тот самый человек, которого он знал. И хотя он понимал, что шансов у них нет, всё равно не мог за него не переживать. Передовая — место крайне опасное. Насколько он там в безопасности?

«Третий сын оказал мне милость, беспокоиться о благодетеле — это нормально», — мысленно твердил себе Е Цзюньшу. Он не мог высказать свои мысли вслух, поэтому подсознательно стал еще пристальнее следить за новостями с границы.

Академия Юнчжоу занимала обширную территорию и делилась на три основные части. Передняя часть состояла из изящных залов для занятий и рабочих кабинетов наставников. Задняя часть делилась на две половины: с одной стороны располагались жилые помещения для учеников, с другой — для учителей. Дома наставников, разумеется, не походили на общие комнаты студентов. Это были отдельные домики на три-четыре комнаты с небольшими дворами за изгородью и собственными кухнями. Большинство наставников жили там со своими семьями.

Господин Цзо вел в классе Е Цзюньшу курс политических стратегий. Человек он был суровый и неулыбчивый, по характеру очень напоминавший Цинь Кантая. Возможно, всем учителям была свойственна эта черта. Держа пачку экзаменационных работ, он направился к одному из уединенных домиков.

Подойдя к низкой, заросшей изгороди, он хотел было окликнуть хозяина, но, заметив, что калитка не заперта, вошел без стука. На дорожке из щебня и по бокам от неё виднелись сорняки — было заметно, что за садом давно не ухаживали. Господин Цзо недовольно нахмурился. Войдя в дом, он мельком заглянул в несколько комнат и направился к той, что была справа.

Дверь была приоткрыта. Господин Цзо толкнул её, и в нос ему тут же ударил резкий запах спиртного. Переступив через несколько пустых кувшинов на полу, он с неодобрением обратился к мужчине, который полулежал на кушетке с растрепанными волосами, скрывавшими лицо:

— Нужно знать меру. Ты совершенно не заботишься о своем облике. Если студенты увидят тебя в таком виде, где будет твой авторитет?

— Редко выпадает случай урвать полдня покоя, так что не ворчи, старший брат. Я ведь не всегда позволяю себе лишнего. Хорошее вино — редкость, нужно наслаждаться им вдоволь.

Мужчина на кушетке качнул кувшином в руке и запрокинул голову, продолжая пить. Заметив, что господин Цзо всё еще стоит рядом с недовольным видом, он спросил:

— Глотнешь со мной?

— Пьянство губит тело. Смотри не напейся до беспамятства, а то завтра не проснешься.

Мужчина отмахнулся: — Неужели ты не доверяешь моей выносливости? Так зачем ты пришел, брат?

— Ты ведь в последнее время твердил, что хочешь взять личного ученика? Я долго наблюдал и нашел одного подходящего. Думаю, он придется тебе по вкусу.

— И кто же это заслужил твою похвалу? — Мужчина равнодушно отставил пустой кувшин и потянулся за новым, запечатанным.

Господин Цзо протянул ему пачку листов:

— Вот его статьи, написанные за последнее время. Юноша благороден, умен, схватывает всё на лету и невероятно быстро прогрессирует. А главное — его мысли свежи, он не следует слепо старым догмам. Вы должны сойтись характерами.

Слова господина Цзо пробудили в мужчине искру интереса. Он взял бумаги и, не успев прочесть и нескольких строк, внезапно выпрямился. Его рассеянный взгляд сфокусировался, и он сосредоточенно принялся изучать лист за листом.

— Ха-ха-ха!.. Брат, ты прав! Этот малый мне по душе! Беру его!

Мужчина вскочил и возбужденно заходил по комнате, не в силах оторвать глаз от исписанной бумаги.

— Оказывается, это можно трактовать и так... Очень логично! И ведь обосновал как складно! Потрясающе! Из какого он класса? Е Цзюньшу? Я помню его, он поступил всего несколько месяцев назад...

Внезапно он о чем-то вспомнил, хмыкнул, и его лицо похолодало:

— Если память мне не изменяет, это же тот человек, которого рекомендовал старый лис Чжу Чжэнъи?

— На этот счет можешь быть спокоен. Я всё разузнал. Е Цзюньшу не связан с Чжу Чжэнъи напрямую. Его сельский учитель был немного знаком с тем стариком, так и получил рекомендательное письмо. Насколько мне известно, их связь уже разорвана. За всё время пребывания в Юнчжоу Е Цзюньшу ни разу не навещал Чжу Чжэнъи. Кажется, он пытался нанести визит сразу по приезде в город, но его не приняли и выставили вон. То, что случилось в прошлый раз, не повторится.

Мужчина всё еще выглядел недовольным, но промолчал. Господин Цзо добавил:

— Если сомневаешься, можешь сначала встретиться с ним лично, а потом принимать решение.

— Хм!

— Не буду тебе мешать. Знай меру в вине, не переусердствуй. — Господин Цзо хотел было забрать бумаги назад, но мужчина тут же спрятал их за пазуху:

— Я еще не всё внимательно изучил, как я могу решить? Если хочешь уходить — уходи!

Сказав это, он стремительно вышел из комнаты и скрылся в соседней, плотно заперев за собой дверь.

Господин Цзо: «...»

<http://bllate.org/book/15226/1411553>